
ТЕМА СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ В КНИГЕ СТИХОВ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН»

Е.А. Немчинова

Кафедра истории русской литературы XX века
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Воробьевы горы, 1-й ГУМ, Москва, Россия, 119991

На примере цикла стихов Марины Цветаевой «Лебединый стан» рассматривается тема смерти и бессмертия, являющаяся одной из основных в контексте всего ее творчества. Кроме того, в статье показано цветаевское отношение к событиям Гражданской войны и революции, повлиявшим на мировоззрение поэта и творчество этого периода. Отмечается появление новой символики и образов, соответствующих политическим реалиям времени.

Ключевые слова: Марина Цветаева, творчество, Гражданская война, революция, XX век, Россия.

Тема смерти и бессмертия всегда была одной из самых близких для Марины Цветаевой. Неудивительно, что изучение этого аспекта, занимающего огромное место в ее поэзии и прозе, представляет огромный интерес для исследователей творческого наследия одной из ярчайших фигур русской литературы XX столетия и до сих пор является актуальным. В нашей статье мы поставили задачу рассмотреть эту тему на примере стихотворного цикла «Лебединый стан», являющего собой интереснейшие страницы цветаевского творчества. Кроме того, цель данного исследования — проследить эволюцию темы смерти и бессмертия в сравнении с ранними сборниками и выявить причину изменений в мироощущении поэта.

Цветаева начала свой творческий путь в первом десятилетии XX в. — довольно мирное и спокойное для нее время по сравнению с событиями последующих лет, непосредственно затронувших ее окружение. Поэтому такие явления, как смерть и бессмертие, воспринимались юным поэтом сквозь призму быта семьи и собственных детских переживаний. Самое главное, что навсегда потрясло сознание Цветаевой, — это ранняя смерть матери от туберкулеза. Да и вообще эта болезнь постоянно забирала многих членов семьи в самом расцвете жизненных сил. На трагичности мировосприятия поэта сказался и постоянный страх за жизнь мужа, с детства страдавшего тем же недугом. Кроме того, неизгладимый след оставили впечатления от прочитанного «Дневника» рано умершей Марии Башкирцевой. Неудивительно, что у юной Цветаевой появились стихотворения, в которых уже тогда затрагивалась тема смерти и бессмертия. По сути же, они были своеобразной попыткой вернуть из небытия близких людей. Поэтому в раннем творчестве поэта можно наблюдать по-детски наивное восприятие смерти, окрашенное в романтические тона и лишенное позднего глубокого трагизма.

Эволюцию мироощущения Цветаевой можно наблюдать в цикле «Лебединый стан». Здесь тема смерти и бессмертия получила несколько иную трактовку. Ведь судьба ввела поэта в мир социальной смуты, сталкивая лицом к лицу с событиями войны и революции. Поэтому явление смерти приобрело иное звучание

и осмысление. До 1919 г. Цветаева, подобно Блоку, находилась в метели, стихии революции (только с другого полюса — белого, в то время как Блок изначально поддерживал красный). Как отклик на переживаемые события, которые к тому же коснулись ее лично (муж сражался на стороне белой армии), появился «Лебединый стан» — своеобразный поэтический дневник, где стихи были расположены по хронологическому принципу. Пять его разделов соответствовали пяти годам: 1917, 1918, 1919, 1920, 1921. Здесь появился «во многом оставленный в прошлом (еще в 1916) романтизм, некогда составлявший основу поэтического стиля, но теперь иной, перешедший из сферы эстетики в этику, — фрондирующий романтизм» [3. С. 104]. А.А. Саакянц назвала его «романтикой обреченности» [7. С. 131]. В нем, как отмечал О.А. Клинг, «на первый план выдвигается апологетическое начало с утверждением героического, воспевание смерти ради идеи, риторичность, патетика и высокая, взволнованная тональность» [3. С. 89].

В первые годы революции Цветаева была на стороне побежденных, но постепенно в ней начинало крепнуть убеждение, что в Гражданской войне победителей не будет. О какой победе может идти речь, когда вокруг кровь, «и справа и слева / Кровавые зевы, / И каждая рана: / — Мама!» [9. С. 386]? Поэт не хочет, чтобы гибла Жизнь, не хочет ничьих смертей и мук. Позиция Цветаевой как патриота, стоящего на стороне старой России, утверждающего высокий путь и «божье да белое... дело» [9. С. 363] Добровольческой армии, постепенно сменяется другой: материнской, женской, человеческой.

Цветаева видит царящий вокруг хаос, крушение привычного мира привнесло в сознание поэта ощущение того, что он куда-то проваливается. Оплакивая «лебединый стан», «Цветаева с самого начала чувствовала, что его дело обречено. Отсюда ее формула: „Добровольчество — это добрая воля к смерти“» [7. С. 131].

Как страдающая мать, скорбит она в стихотворении «Юнкерам, убитым в Нижнем» о смерти юношей, «разорванных в клочья — / На посту» [9. С. 359], отдавших свои молодые, цветущие жизни во имя долга и ушедших ранее срока в безымянную дыру, т.е. в могилу. Поэт оплакивает и правых, и виноватых, погибших в братоубийственной бойне. Смерть уравнивает всех: «Все рядком лежат — / Не развесть межой. / Поглядеть: солдат. / Где свой, где чужой? // Белый был — красным стал: / Кровь обагрила. / Красным был — белым стал: / Смерть побелила» [9. С. 386]. Раненые, умирающие, лежащие на поле битвы одинаковы в своих страданиях. Философию смерти Цветаевой этого периода очень точно подметила В. Швейцер: «Не только перед лицом смерти, но и перед лицом России все погибшие равны и правы, ибо каждый умер за нее, за ее счастье, по-своему понятное» [10. С. 258].

Эта мысль была у поэта и раньше, еще до «Лебединого стана». В 1916 г. в стихотворении сборника «Версты-1» «Белое солнце и низкие, низкие тучи+» прозвучало: «Господи! — и для чего стольким простреливать грудь?» [9. С. 302]. А в «Лебедином стане» Марина Цветаева, как Кассандра в Трое, говорит о крушении великой, патриархальной, церковной, благородной России с ее устоями и высокой культурой. Она скорбит о ней, как скорбят об утрате самого дорогого,

когда губит «черная кость — белую кость» [9. С. 363] и попирает все самое святое: «Стойла — в соборы! Соборы — в стойла!» [9. С. 363]. Цветаева, подобно Ярославне, оплакивающей погибшего Игоря, горюет о каждом пропавшем в «Октябрьские смертные дни» [9. С. 384], обо всех «упавших и не вставших, — / В вечность перекочевавших» [9. С. 384]. Будто бы из глубины веков — «воплъ стародавний, / Плач Ярославны — / Слышите? / Вопль ее — ярый, / Плач ее, плач — / Плавный» [9. С. 388]. «Лебединый стан» для Цветаевой становится своеобразным искуплением своего греха перед всеми павшими: «А я живу — и это страшный грех» [9. С. 365]. Она считает своим долгом оплакать каждого, потому что настало время, когда даже «солнце — смертный грех. / Не человек — кто в наши дни — живет» [9. С. 365]. Трагическая панихида по погибшим облечена во многих произведениях (особенно 1920 г.) в жанровую форму плача. Сюда можно отнести такие стихотворения, как: «Об ушедших — отошедших+», «Буду выпрашивать воды широкого Дона+», «Плач Ярославны» и др. Ярким примером традиционной русской заплачки-причитания, содержащей самые пронзительные, высокие ноты непрерывной, неизбывной боли является произведение «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!..», где показана жуткая реальность. В этом стихотворении, по замечанию А. Саакянц, «поистине вселенский протест женщины-поэта против убийства человеком человека» [7. С. 220]. «Лебединый стан» — своеобразное «пророчество, которому, к сожалению, суждено было реализоваться в полной мере» [2. С. 3]. Здесь одновременно и страшное предсказание, и оплакивание гибели России — Отчизны, мученицы, красавицы, разумницы, ласковой матери; гибели царской семьи, царевича младого Алексея; гибели всей Добровольческой армии — доблести русской; гибели поэта в этой кровавой круговерти — ведь «не певец, кто в порохе — поет» [9. С. 365].

Л.А. Косарева отмечала, что «символизация во всех ее градациях характеризует не только развитие лирического сюжета, но и лирическую деталь книги» [4. С. 144]. Очень показательна в этом смысле символика цветообозначения в «Лебедином стане», которая отличается от той, что можно наблюдать в контексте всего ее творчества.

В целом для лирики Цветаевой характерна модернистская в своей основе инверсия оппозиции «черное—белое» и снятие оппозиции «белое—красное». Черному (миру, враждебному лирическому герою) обычно противопоставлено белое (мир лирического героя). Белое и красное же у Цветаевой, как правило, не противопоставляются, а дополняют друг друга, создавая единый цветовой образ с положительной окраской. В этом смысле, по мнению Л.А. Косаревой, поэт «идет за традиционной народной эстетикой, где красное и белое тождественны» [4. С. 146].

В «Лебедином стане» на сложившуюся концепцию цветообозначения оказывает влияние новая семантика цветов, возникающая в реальной действительности. Вследствие этого символика окраски меняется кардинально. «Цвета получают политическую окраску, разделяясь, как обычно у Цветаевой, на два противоположных лагеря — Добро и Зло, формально адекватных Белой гвардии и носителям Революции» [2. С. 15].

Если в контексте всей ее лирики красный — цвет огненного, героического, то в «Лебедином стане» он прежде всего — цвет крови. Черный и красный становятся теперь взаимодополняющими. Белому миру лирического героя противостоит уже мир черно-красный, мир нижнего пространства, крови, зла, греха, смерти. Белое здесь выступает и символом чистоты, невинности и христианства, а черно-красное предстает темным, разрушительным началом, несущим гибель, хаос и страдания. Таким образом, «модернистская инверсия уступает место общеязыковым, общечеловеческим представлениям о цветообозначении» [4. С. 147]. Отклонение от традиций и создание собственной цветосимволики было характерно и для других поэтов. Ярким примером является книга Ахматовой «Белая стая».

О.А. Клинг отмечал, что в «Лебедином стане» Цветаевой «отразился лингвистический срез политических реалий — образования в России двух полюсов: красного и белого» [3. С. 92]. Очень удачным является его наблюдение, что ее «лирический дневник, начиная с 1918 г., написан преимущественно с точки зрения белого полюса. Оппозиция белый — черный («Белизна — угроза Черноте»), сливающийся с красным («Колыбель, оваянная красным! / Колыбель, качаемая чернью!»), становится вплоть до 1920 г. и соответствующего раздела в книге стихов центральной» [3. С. 92].

Все три цвета в цикле «Лебединый стан» объединяются лежащим на них оттенком значения смерти. Красный (кумач) в народной традиции — ткань траурная и погребальная. Черный — цвет скорби, мифологического подземного пространства, активный носитель смерти земной, смерти-уничтожения. Белый — пассивный носитель смерти как освобождения от материальной оболочки и обретения высшего, духовного начала. Именно такой видится Цветаевой гибель Добровольческой армии, и поэтому белый цвет и становится одним из ее символов (даже без учета совпавшего с этим общепринятого ее цветообозначения). Таким образом, сказание о Белой гвардии, начатое в 1918 г. в героико-восторженных тонах («Белая гвардия, путь твой высок» [9. С. 363]), заметно эволюционирует, становится плачем, причитанием, отходной молитвой в 1920—1921 гг.

Олицетворением белой армии для Цветаевой становится и образ мужа, который превращается в символ, восходящий к лирике 1916 г., в белого лебедя. В «Лебедином стане» он соединяет многие линии и мотивы. Отождествление лирического героя с лебедем (голубем, журавлем) восходит к фольклорным, христианским и древнерусским традициям и имеет богатую историю в мировой культуре.

В народном сознании лебедь являлся символом чистоты, преданности, любви (ср.: «лебединая верность»). В христианстве образ лебедя (голубя) ассоциировался с душой праведника, с распятым Христом. В народной мифологии лебедь — птица смерти, так как считалось, что лебединый крик предвещает гибель. В русской устной народно-поэтической традиции было немало ассоциаций, связанных с образами голубя и лебедя: печаль-голубка, девушка-лебедушка; по отношению к умершему голубь и голубица, лебеди и лебедушка. В словаре символов журавль — это «аллегория... праведной и милосердной души» [1. С. 202]. Как видим, во многих случаях семантика этих образов восходила к «душе». Кроме того, птица являлась еще и проводником в иной мир.

Таким образом, по мнению Н.О. Осиповой, «лебединая символика, как и многие мифологические символы, наделена амбивалентностью: кроме выражения любви и жизненной стихии, лебедь еще и птица смерти, птица „двух бездн“, птица „чистой стихии“» [6. С. 50]. Л.А. Косарева проводит такие параллели: «лебедь — „добросовестная“ птица в отличие от „зловещих“, белизна — символ девичьей красоты, струны вещего Бояна и струны цветаевской лиры — лебединая стая» [4. С. 144].

На мотиве такого смыслового синтеза (белый лебедь (журавль) голубь — соединение любви, разлуки, смерти, душевной чистоты и верности) и строится книга стихов «Лебединый стан», где в общую линию символики проникает еще одна параллель-ассоциация — белая армия: «Не лебедей это в небе стая: / Белогвардейская рать святая / Белым видением тает, тает...» [9. С. 363]. Самой Цветаевой введение темы Белой гвардии в семантическое поле образа белого лебедя виделось логичным и закономерным. В ее представлении Добровольческая армия, на стороне которой сражался ее муж, являлась воплощением чести и достоинства: «А останетесь вы в песне — белы-лебеди! // ...И никто из вас, сынки! — не воротится, / А ведет ваши полки — Богородица!» [9. С. 374]. Кроме того, сопоставление птиц с душами умерших праведников («ушедших — отошедших — / В горный лагерь перешедших, / В белый стан тот журавлиный — / Голубиный — лебединый» [10. С. 384]) соответствовало мотиву обреченности Белой гвардии и воскресения ее в царствии небесном: «Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет» [9. С. 363].

Предсказывая крушение привычного, старого мира, Цветаева использовала образ черного ворона: «— Голубочки где твои? — Нет корму. / — Кто унес его? — Да ворон черный» [9. С. 362]. В фольклорной традиции черный ворон считается вещей птицей, предвестником смертельной опасности, гибели. С помощью этого символа Цветаевой удалось дать точную и яркую картину того времени, времени всеобщей разрухи и царящей повсюду смерти: «— Где лебеди? — А лебеди ушли. / — А вороны? — А вороны — остались» [9. С. 370]. С их уходом «кончен / Белый поход» [9. С. 389].

Через всю книгу стихов проходит сквозной линией и тема бессмертия. Здесь большую роль играет образ храма. Он встречается в «Лебедином стане» много раз и не случайно. Рассматривая эту тему, приведем несколько примеров: «Перекрестясь на последний храм, / Белогвардейская рать — векам» [9. С. 364]; «Не храм семиглавый, не царский дом / Да будет тебе гнездом» [9. С. 367]; «Греми, греми, последний колокол / Русских церквей!» [9. С. 374].

Как объясняет Л.А. Косарева, Христос говорил о церкви тела своего, о своей смерти и воскресении на третий день. Земной храм (тело) умрет, но будет вечен на небе храм нерукотворный (душа). Поэтому в «Лебедином стане» речь идет о телесной смерти павших и вечной жизни в ином мире. Важно, что это «не некое метафорическое бессмертие в славе и памяти потомков, а именно личное бессмертие каждого в его пасхальном смысле» [5. С. 148]. В образе храма проступают черты бытийного и вечного. Он является символом бессмертия.

Сам же город (а именно старая часть Москвы), где находятся древние соборы, вырисовывается как единство духа и тела цветаевской героини. В контексте творчества поэта 1917—1922 гг. очевидно, что символическим воплощением ценностных опор бытия оказываются образы кремлевских соборов, московских храмов и особенно Иверской часовни, которая «обретает теснейшую эмоциональную связь с драматичной душевной жизнью героини» [5. С. 60]. Подтверждение этой мысли встречаем в стихотворении «Над церковкой — голубые облака...», написанном в Москве 2 марта 1917 г., в день отречения Николая II от престола: «Заблудился ты, кремлевский звон, / В этом ветреном лесу знамен. / Помолись, Москва, ложись, Москва, на вечный сон!» [9. С. 354].

Храм становится для Цветаевой последним оплотом добра, одной из тех немногих святынь, оставшихся среди безумия, жестокости и хаоса войны и революции, способных еще противостоять злу: «Белый храм грозит гробам и грому» [9. С. 369]. И картина разрушения церковей является символической всеобщему развалу и гибели, причем не только телесной, но и духовной. Попирание христианских святынь, надругательство над храмом способно, по мнению поэта, перевернуть ценностную картину мира.» Распродавайте — на вес — часовни, / Монастыри — с молотка — на слом. // Рвитесь на лошади в Божий дом! / Перепивайтесь кровавым пойлом! / Стойла — в соборы! Соборы — в стойла!» [9. С. 362—363] — с горькой иронией поэт бросает фразу в адрес Красной армии. Ведь победа хаоса над гармонией означает не только разрушение Царства Божия на земле, но и гибель души человеческой, утрату ее бессмертия.

Согласно христианской концепции цель человека — устройство внутренней жизни, созидание в себе Царства Небесного. Поэтому гибели своей бессмертной души избежит лишь тот, кто сумеет противостоять злу и не утратить Бога внутри себя. Об этом говорил и В.С. Соловьев: «Достойная и вечная жизнь, которая требуется, но не дается разумом, должна быть добыта духовным подвигом» [8. С. 117]. По Цветаевой, такого спасения будет удостоена белогвардейская рать святая, защищающая ценой своей жизни основы патриархальной православной России. Сама же она, как поэт, даровала павшим поэтическое бессмертие.

Так под воздействием новых внешних обстоятельств в жизни Цветаевой в «Лебедином стане» произошло изменение не только в осмыслении явлений смерти и бессмертия, но и в общей тональности поэзии. Многие цветаевские мысли оказались созвучны идеям ее современников, также отразивших в своих произведениях впечатления от событий Гражданской войны и революции. Это и представление о том, что перед Богом равны все павшие, независимо от классовой принадлежности, выраженное М. Булгаковым в романе «Белая гвардия». Это и символика цвета в поэме «Двенадцать» А. Блока, помогающая создать особое пространство жизни и смерти. Это и трагизм интонации в лирике военного времени А. Ахматовой, отражающий боль за Россию, ощущение грядущих бед и опасение за судьбу мужа, сражающегося на фронте. Таким образом, книга Цветаевой «Лебединый стан», написанная под впечатлением от жестокости и бессмысленности происходящих в стране событий, стала неотъемлемой частью русской литературной классики о Гражданской войне и революции.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Керлот Х.Э. Словарь символов. — М., 1994.
- [2] Кирюнина Т.Б. Сюжет, деталь и способы символизации в лирическом цикле М. Цветаевой «Лебединый стан»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2000.
- [3] Клиг О.А. Поэтический мир Марины Цветаевой. — М., 2001.
- [4] Косарева Л.А. Возможности символизации при построении лирической книги М. Цветаевой «Лебединый стан» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. — Иваново, 1999. — С. 141—150.
- [5] Ничипоров И.Б. «Московский текст» в русской поэзии XX в.: М. Цветаева и Б. Окуджава // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. — 2003. — № 3. — С. 58—71.
- [6] Осипова Н.О. Творчество М.И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. — Киров, 2000.
- [7] Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. — М., 1997.
- [8] Соловьев В.С. Литературная критика / Сост. и коммент. Н.И. Цимбаева, вступ. ст. Н.И. Цимбаева и В.И. Фатющенко. — М., 1990. — С. 105—121.
- [9] Цветаева М. Книги стихов / Сост., коммент., статья Т.А. Горьковой. — М., 2004.
- [10] Швейцер В. Быт и Бытие Марины Цветаевой. — М., 1992.

THE THEME OF DEATH AND IMMORTALITY IN THE BOOK OF TSVETAEVA «LEBEDINY STAN»

Е.А. Nemchinova

History of Russian Literature of the XX Century Department
Lomonosov Moscow State University
Vorobevy gory str., 1, Moscow, Russia, 119991

The article deals with the theme of death and immortality, which is one of the main themes in the context of all Tsvetaeva's creature. The author is investigating this theme by example of the book «Lebediny stan». Besides that, the article deals with the attitude of Tsvetaeva to the events of the Civil War and the revolution, having the influence on the poet's outlook and creative work of this period. The attention is drawn to the appearance of new symbolism and images, corresponding to political realities of that time.

Key words: Marina Tsvetaeva, creativity, Civil war, revolution, the XX-th century, Russia.